

ХУЛИАН ДЕЛЬ КАСАЛЬ

*

ХОСЕ МАРТИ

СРЕДЬ СУМЕРЕК
И ТЕНЕЙ

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Хулиан дель Касаль
Хосе Марти
Среди сумерек и теней.
Избранные стихотворения
Серия «Звезды зарубежной поэзии»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4964685

*Среди сумерек и теней: Избранные стихотворения / Пер. с испанского
С. Александровского.: Водолей; Москва; 2011
ISBN 978-5-91763-073-1*

Аннотация

Хулиан дель Касаль (1863–1893) и Хосе Марти (1853–1895) бесспорно находятся в числе самых выдающихся, повсеместно признанных представителей латиноамериканского модернизма. Наилучшее из достигнутого поэтами-парнасцами Теофилом Готье, Жозе-Мариа де Эредиа, Леконтом де Лилем, а также французскими символистами и романтиками, было ими сознательно использовано и творчески развито. И поныне латиноамериканских модернистов нередко рассматривают как «аристократов духа», поднявших своеобразное творческое восстание против измельчавшего общества, постепенно становившегося равнодушным к прекрасному вообще и к поэзии

в частности. Большая часть произведений, вошедших в эту книгу, переведена на русский язык впервые.

Содержание

От переводчика

6

Конец ознакомительного фрагмента.

20

**Хулиан дель
Касаль, Хосе Марти
Средь сумерек и теней**

*Издательство искренние благодарит Юрия
Сергеевича Коржа и Алексея Геннадьевича
Малофеева за поддержку настоящего издания*

**JULIÁN DEL CASAL
JOSÉ MARTÍ
ENTRE LAS DENSAS SOMBRAS**
Poesías escogidas

От переводчика

*Моей жене,
Лилии Александровской -
Переводчик*

*Как вырастают пальмы на песках,
И розы на побережье вод соленых,
Так и стихи возносятся из боли —
Смятенны, огнецветны, благовонны...*

Хосе Марти

Сколько-нибудь обстоятельный разговор о литературном течении, которое возникло под конец XIX столетия и традиционно зовется латиноамериканским модернизмом, вышел бы далеко за рамки нашего небольшого очерка, — но все же необходимо сказать по этому поводу несколько слов.

Считается, что зачинателями и самыми выдающимися представителями этого поэтического движения были никарагуанец Феликс-Рубен-Гарсиа Сармьенто, вошедший в словесность под псевдонимом Рубен Дарио (Ruben Dario), мексиканец Мануэль Гутьеррес Нагера (Manuel Gutierrez Najera) и кубинцы Хулиан дель Касаль и Хосе Марти.

У современного читателя понятие «модернизм» произвольно связывается с некими революционными преобра-

зованиями, ломкой старых канонов, сокрушении принятых прежде правил, приемов и обычаев.

Латиноамериканский модернизм был весьма далек от чего-либо подобного. Скорее, в нем возможно видеть сознательное усвоение и «сублимацию» всего наилучшего, достигнутого парнасцами Теофилом Готье, Жозе-Мариа де Эредиа, Леконтом де Лилем, Сюлли-Прюдомом, – а также европейскими романтиками, которым парнасцы в большой степени противопоставляли себя. Также очень много было взято из опыта французских поэтов-символистов.

Речь велась, таким образом, не о том, чтобы попирать былые устои, но лишь о том, чтобы заимствовать блистательный, уже считавшийся классическим опыт, накопленный выдающимися предшественниками и современниками, и творчески переплавить наилучшие их достижения.

Все ниже следующие упоминания «модернизма» относятся исключительно к его строгой, изысканной латиноамериканской разновидности. В сущности, эта поэтическая школа зовется «модернизмом» лишь условно, – лишь оттого, что не слишком точное по смыслу название укоренилось давно и прижилось навсегда.

Первым лириком-модернистом, заявившим о себе на Кубе, зачинатель этого литературного течения Рубен Дарио считал Хулиана дель Касаля. Кубинцы поныне возражают ему, отдавая пальму первенства Хосе Марти, но великий никарагуанец был по-своему совершенно прав, ибо Марти, пи-

савший в чисто модернистском ключе, до конца дней своих оставался изгнанником, известным при жизни только узкому и замкнутому кругу свободомыслящих кубинских ценителей, а стихи Касаля, печатавшиеся на родине, в Гаване, вскоре после того, как бывали написаны, делались общим читательским достоянием.

Этим обстоятельством ничуть не умаляется ни гениальность Хосе Марти, ни ценность его поэтической работы – просто Касаль имел несравненно большее прижизненное воздействие на современников. Некоторые литературоведы склонны считать, что Касаль повлиял – правда, посмертно, – даже на самого Рубена Дарио, чья книга «*Prosas profanas*», вышедшая через три года после внезапной кончины Касаля, играет новыми экзотическими красками, – видимо, в итоге знакомства с Касалевским «Снегом». Правда, многие находят подобную точку зрения малообоснованной. В частности, Альберто Рокасолано (Alberto Rocasolano) склонен считать, что Касаль и Дарио просто «пили из одного и того же источника – причем пили непосредственно, поскольку оба владели французским языком». Под источником он понимает в первую очередь поэзию Леконта де Лиля, Эредиа и Готье.

Латиноамериканский модернизм – и, в частности, кубинский модернизм, – зовут иногда поэтическим восстанием, которое учинили «аристократы духа», разочарованные в романтической поэзии, но всецело одобрявшие и принимавшие индивидуализм, присущий романтикам. Большинство

модернистов были авторами, уставшими от окружавшего общества, почти всецело равнодушными к его заботам – большим и малым.

Это позволило кубинскому литератору и критику Хуану Ма-ринэлью (Juan Marinello) заметить, что Хосе Марти, формально принадлежавший к модернистской школе, стоял как бы и выше нее и чуть поодаль.

Модернизм оказался первым латиноамериканским литературно-художественным движением, сыскавшим всемирную известность. Как образно замечает Альберто Рокасолано, перефразируя слова Макса Энрикеса Уреньи (Max Henríquez Ureña), «наконец-то галеоны возвратились в Испанию груженные нашими духовными сокровищами, – а прежде они доставляли сокровища из Испании к нам».

Настоящий талант – явление редкое. Талант гениальный – куда как большая редкость. А талант, гениальный многосторонне, – «вселенский гений», – редкость и вовсе исключительная.

Именно таким «вселенским гением» и был кубинец Хосе Марти.

Великий политический деятель, неутомимый поборник свободы и справедливости, он оставил по себе добрую, вечную и немеркнущую память в сердцах латиноамериканцев, поныне зовущих Марти «героем, наставником, апостолом, искупителем».

А великий поэт, великий мыслитель, замечательный историк, литературовед, философ, исследователь общественных отношений – всего не перечислить, – Хосе Марти оставил по себе

семьдесят полновесных томов, из них – два тома стихотворений, давно и единодушно признанных классическими.

Кубинский критик Османде Лекайер (Ogsmunde Lescayllers) пишет: Марти-поэт еще до Рубена Дарио «проложил путь... модернистскому движению. Однако Марти был гораздо более, нежели модернистом, он был провидцем...»

О литературном творчестве Хосе Марти немецкий писатель Эмиль Людвиг (Emil Ludwig) высказался так: «Сотни афоризмов – изложенных столь могучим и берущим за душу слогом, что можно подумать, будто их создал сам Ницше, – вкрапляются в великолепное собрание его [Марти] сочинений. Будь эти афоризмы переведены с испанского на иные языки – Марти по праву сделался бы духовным вожатым нынешнего мира».

Лучше, пожалуй, не скажешь.

Хосе-Хулиан Марти-и-Перес (Jose Julian Marti y Perez) родился 28 января 1853 года на Кубе, в Гаване. Его семья с трудом сводила концы с концами; Хосе еще не было пятнадцати, когда он уже служил в какой-то столичной конторе младшим бухгалтером, чтобы хоть немного помогать родителям.

Для бухгалтера (даже младшего) четырнадцать лет – весьма юный возраст; но Хосе управлялся со своими обязанностями безупречно. По словам Османде Лекайера, с раннего детства Марти представлял «сверходаренным существом – чем-то вроде гения».

Это вовремя заметил выдающийся кубинский поэт и просветитель Рафаэль-Мария де Мендиве (Rafael Maria de Mendive). Он помог подростку получить полное среднее образование и затем устроиться в коллеж.

Еще будучи студентом, Хосе Марти напечатал в гаванских повременных изданиях несколько стихотворений, звавших Кубу к свободе и независимости от испанской короны. Именно поэтому и не удалось ему окончить коллежа: в январе 1869 года, накануне восемнадцатого дня рождения, Марти очутился в тюрьме и держал ответ «за крамолу». Годом позже крамольника приговорили к шести годам каторги. Хрупкий и болезненный Хосе провел в каменоломнях около года, после чего был освобожден из-под стражи и выслан в Испанию.

На испанской земле, буквально через несколько недель после приезда, Марти дописал и отдал в печать свою известную брошюру «Политическая тюрьма на Кубе». По сути дела, это был обоснованный обвинительный акт, разоблачавший злодейства колониальных властей, их изобретательные зверства, с которыми юноша успел, к сожалению, познакомиться в полной мере. Впоследствии Марти напишет в сти-

хотворении «Pollice verso»:

Да! я влачился – с головой, лишенной
И шляпы, и волос; и с тяжелой цепью
Вокруг лодыжки – горестно влачился
Среди мерзейших гадин; пресмыкался
Среди грехов чернейших и, казалось,
Вокруг меня раздувшиеся черви,
С глазами слизкими, в загнившей бочке,
Средь пакостного тленья жадно вьются!..
<...>

Он, чистокровный испанец, рожденный за океаном, прибыл на землю предков нищим, как церковная мышь, и очень больным человеком. Тюремные издевательства и непосильный труд полностью подорвали и без того некрепкое здоровье молодого поэта. Долгое время привычно считалось, что каторга «наградила» Марти слабым сердцем и слабыми легкими, однако недавние архивные исследования установили: Марти покинул тюремные стены, страдая саркоидозом – ужасным недугом, способным поражать едва ли не все телесные части. О саркоидозе пишут, что «возможность заражения от больного не доказана, однако отмечают... случаи заболевания, которые можно объяснить... действием неблагоприятных факторов окружающей среды».

Саркоидоз ударил по зрению Марти, по его нервной системе, по сердцу; он вызывал приступы лихорадки, он же от-

лился 18-летнему юноше болезненной опухолью, мучившей Марти много лет, пока доктор Франсиско Монтес де Ока (Dr. Francisco Montes de Oca) не удалил ее.

Невзирая ни на что, поэт сумел окончить высшее образование при Мадридском и Сарагосском университетах. К 1874 году, когда срок ссылки истек, Марти уже сделался бакалавром и дважды лицензиатом: правоведения и философии.

Он продолжает литературную работу, пишет и публикует книгу о неминуемой кубинской революции, две драмы и другие произведения. Он посещает музеи, студенческие собрания; быстро становится умелым оратором.

Однако находилось время и для «живой жизни», поскольку ничто человеческое не было чуждо молодому и от природы пылкому Хосе. Юноша ходит на дружеские пирушки, на бои быков, заводит множество знакомств – и встречает свою первую любовь: арагонскую красавицу Бланку Монтальво (Blanca Montalvo). Это она, Бланка, безымянно присутствует в одном из «простых стихотворений»:

Арагон! Ему по праву
В сердце угол отведен:
Там блистает Арагон,
Доблестно стяжавший славу.

Повторяю вновь и вновь:
В дни, когда мне было туго,

Там себе нашел я друга,
Там сыскал свою любовь.

<...>

Второй любовью Марти была знаменитая актриса, танцовщица Росарио Пенья (Rosario Peña). Благодаря ей возник, по словам Османде Лекайера, «один из чудеснейших романсов, существующих на испанском языке»:

А душа моя пустынна,
И больна по вечерам!
Нынче бал. Предстанет нам
Андалузка-балерина.

Тротуар, подъезд, порог.
Флаг – убрать почли за благо.
И прекрасно: возле флага
Пребывать бы я не смог.

Вот она! Явилась ныне
Недоступна и бледна.
Андалузка ли она?
Нет, она сродни богине!

<...>

Затем пришло увлечение другой актрисой, звавшейся Конча Падиля (Concha Padilla) и, кажется, не оставившей по себе никакого «стихотворного следа».

В конце 1874 года, воспользовавшись подложным паспортом, поэт выезжает во Францию и в Париже встречается с Виктором Гюго.

Через некоторое время Хосе Марти отправляется в Мексику, где проводит два с лишним года и женится на Кармен Сайас-Басан (Carmen Zayas-Bazan), дочери кубинских изгнанников. Затем он перебирается в Гватемалу, получает должность преподавателя в одном из тамошних высших учебных заведений, становится сотрудником журнала «Университет» и делается вице-президентом общества «Родина и Свобода».

Большая дружба связала Марти с Марией Гарсиа-Гранадос (Maria Garcia Granados), то ли безвременно скончавшейся впоследствии, то ли покончившей самоубийством. Поэт обессмертил Марию в книге «Простые стихи»:

Расцвети, о небывалый,
Искупительный мотив!
Девушка из Гватемалы,
Ты погибла, полюбив!

Принесли букеты лилий,
Возложили резеду...
Мы тебя похоронили,
Мы оплакали беду.
<...>

31 августа 1878 года Марти возвратился в Гавану. 22 ноября появился на свет его единственный сын, Хосе-Франсиско, ставший известным как «Исмаэлильо»: по названию стихотворной книги, которую четырьмя годами позже издал и посвятил ему отец.

Санхонский Мир, положивший конец Десятилетней войне между Испанией и Кубой, дал поэту возможность получить на родине адвокатскую практику, стать присяжным поверенным; однако уже 25 сентября 1879 года Хосе Марти вновь арестовывают и высылают в Испанию. Впрочем, там он почти сразу же бежит из-под полицейского надзора, пересекает Атлантику и селится в Нью-Йорке.

Однако жизнь во многолюдном и суетливом северо-американском городе начала раздражать Марти; он уехал и попытался осесть на венесуэльской земле, однако вскоре восстановил против себя Антонио Гусмана Бланко (Antonio Guzman Blanco) – грозного тамошнего диктатора. Раздосадованный блистательной статьей поэта о скончавшемся «враге народа», гордом и бесстрашном гуманисте Сесилио Акоста (Cecilio Acosta), правитель в буквальном смысле этого слова потребовал от Марти: «либо немедленно напишите столь же хвалебную статью и по моему адресу – либо сейчас же покиньте страну».

Марти быстро написал и опубликовал прощальное письмо к венесуэльскому народу, а затем взошел на борт первого же судна, отплывавшего в Северо-Американские Соединенные

Штаты.

В течение всей своей жизни поэт последовательно отвергал богатство, почести, славу, подчиняясь велениям долга и совести. Бывали случаи, когда незначительная уступка окружающим обстоятельствам принесла бы Марти все земные блага: и почет, и богатство, и положение в обществе. Но он не шел ни на какие уступки:

Уж не стенаю, как бывало ране,
Вкушая боли и бессилья смесь;
Но исцеленье дам всемирной ране,
И долг насущный свой исполню днесь.

Уже не плачу, разводя руками —
Борюсь один! И вот он, мой устав:
Кто одинок – беседует с веками,
И внемлют одинокому, не вняв.

(«Как масло из расколотой лампы...»)

Среди прочих жертв оказалось и семейное счастье: жена, уставшая от его забот обо «всех, кроме своей семьи», покинула его, забрав с собой маленького сына.

Насущным долгом своим Хосе Марти считал всемерную помощь любым и всяким беднякам и страдальцам, сколько ни есть их на белом свете.

Сплошь и рядом подобные утверждения бывают расчетливыми, пустыми словами хитрого, холодного и, в сущно-

сти, жестокого себялюбца, ждущего личных выгод при общественных потрясениях. Сплошь и рядом бывают они громогласными словоизвержениями людей глубоко истеричных, неуравновешенных душевно – и едва ли не более опасных во время всяческих переворотов, чем откровенные искатели выгод.

В обоих случаях, сколько-нибудь значительный поэтический дар попросту несовместим с подобной человеческой природой. Среди таких людей встречаются иногда и бойкие, умелые с виду стихотворцы – однако не более того. Литературная история XIX и XX столетий – особенно русская, – изобилует печальными и памятными примерами, о коих всего спокойнее промолчать.

Но Марти оказался незауряден и здесь. Его сострадание к «униженным и оскорбленным» было совершенно естественным свойством, врожденной чертой характера, отлично уживавшейся и сочетававшейся с огромным талантом.

Американские знакомые Хосе Марти часто звали его «святым мирянином» (lay saint).

С 1881 года поэт окончательно обосновался в Нью-Йорке, где, за вычетом недолгих отлучек на Ямайку, Сан-Доминго и в Мексику, провел пятнадцать лет, – вплоть до 1895 года, когда он отправился на Кубу, чтобы возглавить вооруженное выступление против испанских колонизаторов.

Ради заработка Марти служил и бухгалтером в крупном торговом доме, и переводчиком в книгоиздательстве «D.

Appleton & Company», и сам издавал несколько журналов, среди них – наилучший из когда-либо выходивших в свет на испанском языке журналов для детей: «Золотой Век» (La Edad de Oro).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.